

Ведьма старая, ведьма молодая

Автор:

Эмиль Коста

Ведьма старая, ведьма молодая

Эмиль Коста

Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле #2

Средневековая Франция. Андре Эрмите прибывает в рыбацкую деревушку по приглашению слуги Лу, чтобы встретить Рождество с его семьей. Накануне праздника происходит жестокое убийство. Эти земли находятся под властью католической церкви: если не удастся найти виновного, местным жителям угрожает инквизиция. Андре придется искать правду среди общего недоверия и враждебности. Всех здесь связывают родственные узы и нелюбовь к чужакам. Деревенская жизнь полна предрассудков, особенно если в деле замешана ведьма.

Эмиль Коста

Ведьма старая, ведьма молодая

Пролог

Клементин вышла из спальни с новорожденным на руках. В маленькой гостиной ждали новостей трое. Огюст Тибо, новоиспеченный отец и хозяин дома, мерил комнату шагами. В очаге ворошил угли его лучший друг Тристан. Рядом скромно сидела Ализе, лучшая подруга роженицы. На секунду повитуха заколебалась, но

потом решительно шагнула к ней и протянула ребенка.

- Почему мне? Отцу надо, - запротестовала девушка.

- Успеет еще... Иди к жене, - обратилась к Огюсту Клементин.

Тот хмуро взглянул на нее и прошел в спальню. Повитуха - за ним. Ализе неумело держала младенца, слегка подбрасывая. Тристан подошел к ней, отвернул одеяльце и с любопытством заглянул в лицо ребенку.

- Будто на Аделин похож...

- А мне кажется, вылитый Огюст.

Они говорили шепотом, боясь потревожить ребенка или его мать. В доме установилась тишина. Над полуночной деревней тоже ни звука, и даже море было спокойно как никогда.

Тибо вышел из спальни. В лице ни кровинки. Он рассеянно обвел глазами комнату и остановил взгляд на молодой паре. Ализе и Тристан любовались новорожденным и не сразу заметили хозяина дома. Девушка улыбнулась и спросила:

- Ну как?

Огюст молча уселся к очагу. В гостиную вошла Клементин и тихо объявила:

- Аделин больше нет.

Тристан быстро перекрестился. Ализе прижала к себе новорожденного, словно пытаясь защитить его от беды.

- Ведьма!

Крик прорезал ночную тишину, перебудил людей, скот, птицу - все живое вокруг...

- Ведьма!

Младенец заревел. Тристан бросился к окнам. Прежде чем он распахнул ставни, дверь открылась и на пороге возникла знакомая фигура.

- Ведьма! - крикнул молодой мужчина, указывая на Клементин.

Он все время был рядом, прятался в темноте, словно вор. Повитуха стояла прямо, спрятав руки в карманах безразмерного фартука, и с презрением смотрела на парня. Тристан сжал кулаки; Тибо не пошевелился. Подбородок у Ализе предательски дрожал, но она посчитала нужным вмешаться:

- Ноэль, постыдись! Всем сейчас худо... Аделин не хотела бы...

- Не трогай ее имя! Не трогай! Аделин должна жить, эта ведьма свела ее со свету!..

- Я могла помочь матери или младенцу. Она попросила спасти сына, - сказала Клементин.

Тибо обхватил голову руками и застонал. Ноэль с минуту смотрел на несчастного соперника, потом развернулся и исчез в темноте.

Ализе укачивала хнычущего мальчика и сквозь слезы повторяла:

- Все будет хорошо! Все обязательно будет...

События той ночи вихрем пронеслась в голове старой повитухи. Она нахмурилась и выбросила руку вперед. Камень взлетел в воздух, приземлившись точно на хребет пьяницы, задремавшего во дворе дома Клементин. Тот ужом взвился над землей и от боли заплясал на месте.

- Совсем осатанела! Когда ж ты сдохнешь?

- Не раньше тебя, дурака. Пошел прочь!

На крыльцо выбежала Одетт. Вражда между бабушкой и старым Ноэлем началась шестнадцать лет назад, и конца-края не было ей видно. Раньше выходки пьяницы пугали девочку. Теперь он, как любой опустившийся человек, вызывал у нее только презрение.

Клементин подобрала с земли новый камень и предупреждающе занесла руку над головой. Одетт решила вмешаться:

- В самом деле, шел бы ты отсюда. Схлопочешь ведь почему зря - я лечить не стану!

- Больно надо! Знай свое место, ведьмино отродье...

Тем не менее, пьяница считал разумным ретироваться. Он отступил на безопасное расстояние и оттуда прокричал:

- Старой дуре Клементин

На роду конец один:

На костре тебе гореть,

А Ноэлю - песни петь.

Такие песенки, одну хуже другой, он сочинял на ходу. Деревенские дети использовали их вместо считалочек и не раз бывали пороты за это. Ноэль победоносно потряс руками над головой и зашагал прочь.

- Рифмы у него лучше не становятся, - с грустной улыбкой заметила Одетт.

Клементин в сердцах отшвырнула ненужный камень и вытерла ладони о фартук.

- Пить надо меньше! Идем, дел еще много...

Глава 1

Из Кавайона они выехали после обеда. Декабрьское солнце уже клонилось к закату, когда двое всадников обогнули последний холм и впереди показалось несколько домиков. Лу много рассказывал о своей малой родине, но только сейчас доктор понял, насколько она мала в действительности. Здесь едва ли найдется гостиница или трактир, а заранее расспросить об этом слугу ему не пришло в голову. Разумнее было остаться в городе.

Вслух доктор сказал:

– Зря я согласился на эту авантюру. Кому нужен незнакомец на семейном празднике?

– Да бог с вами! – запротестовал слуга, – Торчать одному в незнакомом городе на Рождество уж точно никуда не годится. Да мать меня из дому выставит, узнай только, что я вас не пригласил, – и правильно сделает! Две спальни у нас есть, разместимся как-нибудь.

– Но у вашей матери еще трое?

– Двое малыши совсем! Когда я уезжал, Роже едва ходить начал, а маленькая Ивет не могла его от пола оторвать. Кларис вот должна была вырасти, она всего годом меня младше. Может, и замуж уж вышла – кто ее знает. Девчонка бойкая была, хотя и вредная.

– Что ж, будем надеяться, что ваша сестра успела обрести семейное счастье.

Доктор постарался выпрямиться в седле. За полтора месяца в дороге он окреп физически, но до хорошего наездника было еще далеко. Лу, который с усмешкой наблюдал за хозяином, заметил:

– А Одуванчик совсем к вам привыкла. С неделю не лягается и смотрит добрей.

– Не сыпьте мне соль на рану, эта бестия рано или поздно меня прикончит.

Андре понизил голос, будто опасался, что лошадь его услышит. Слуга вместо ответа расхохотался и потрепал по шее Гнедого. Великану с его конем такие муки были неведомы: между ними царила полная гармония. Доктор не без зависти наблюдал за их дружбой.

Лу мечтательно вздохнул:

– Эх, дома сейчас небось дым коромыслом. Мать варит-жарит всякие вкусности... Знаете, как она готовит – пальчики оближешь! Раньше, бывало, к нам полдеревни на ужин собиралось.

– При жизни вашего отца?

– Ну да! После смерти какое веселье, да и на какие шиши. Матушка хотела меня к старому Тибо помощником устроить, да я заартачился. Сказал, в море не пойду, тем паче с ним.

– А что со старым Тибо было не так?

– Так он же отца и прикончил! Не верите? – возмутился слуга, встретив удивленный взгляд Андре, – Мать вот тоже не верила. А он всегда отцу завидовал: у нас-то семья большая да дружная, а у Тибо один сын. Жена-то померла в родах, так и живет один. И Дидье, сын его то есть, гад еще тот. Старик-то, конечно, души в нем не чаает, но мне все видно...

– Но почему же вы думаете, что Тибо прикончил вашего отца? Одной зависти недостаточно, чтобы на такое решиться...

Лу нахмурился и некоторое время ехал молча. Немногословность не была характерной чертой слуги, так что Андре с интересом прислушивался к сопению парня. Наконец он начал говорить:

– Я в тот день отца до лодки проводил. Видел, что старик с похмелья не отошел, еле на ногах стоит. Ну куда такому в море – нет же, торопил еще, покрикивал. Штормило тогда еще... К вечеру их нет; мы ночь не спали, мать все молилась. Только наутро ветер стих, да лодка вернулась. Я на мысу стоял, где кладбище – там высоко, обзор хороший... К причалу вся деревня сбежалась: видно ж, что

криво идут – неладное случилось. Он еще только к берегу подходил, а уже все ясно: на палубе один человек, не двое. Отца так и не нашли потом. Тибо рассказал, что его волной смыло – поди докажи, что это не так.

– Но ведь такое случается, Лу. Люди гибнут в море и без посторонней помощи.

– Я этому гаду все одно не верю! Что сынок его, что он – одного поля ягоды.

– Значит, вы предпочли покинуть родные края и пойти в услужение?

– Здесь другой работы все равно нету. Лодка только у Тибо имеется, вся деревня так или иначе ему служит. Пошел я в Кавайон место себе искать. И ни черта – ничему ведь, кроме рыбацкого промысла, не обучен. Шатался по улицам, в лавки заглядывал и встретил Греньи. Он как меня увидал, давай хохотать да пальцем тыкать. Говорит, мол, такого чудища еще не встречал. А как узнал, сколько мне лет, да сколько жалованья прошу – засиял будто медяк начищенный.

Сговорились мы с ним, что все заработанное будет матери отправлять. Эжен, приказчик из лавки местной, свидетелем тому был, он и обещал все передать домой. А жалованье мое для матери Греньи должен был ему присылать. Я с тех пор дома и не бывал, весточку отправить тоже не удалось – у нас грамотных в семье нету. Если старый хозяин не обманул, они неплохо должны сейчас жить.

До деревни осталось не более половины лье[1 - Лье – старинная мера длины во Франции, равная примерно 3,248 км.]. Путники ехали в молчании, тишину нарушал только стук копыт. Внезапно Одуванчик всхрапнула и стала на дыбы. Андре, не ожидавший такого поворота, взлетел в воздух и под испуганный вопль слуги приземлился ровно в куст чертополоха. Правую ногу пронзила острая боль, из-за которой в глазах помутилось. В голове пульсировала единственная мысль: «Только бы не перелом!»

Несуразная тощая фигура выползла из кустов на дорогу. Мужчина, если такой оборванец вообще заслуживал этого почетного звания, был немолод, одет в жуткие лохмотья и, разумеется, пьян. Он с трудом поднялся и встал посреди дороги, тарашась на путников.

Доктор со стоном обхватил ушибленное колено. Нога горела, будто ее проткнули острым ножом. Даже под брючиной он увидел, что сустав неестественно вывернут, и сознание наполнилось страхом. К горлу подступила невольная

тошнота.

Андре никогда всерьез сам не болел и не получал сильных травм. Откровенно говоря, он побаивался вида крови и страданий, что для настоящего доктора, несомненно, было бы непростительной слабостью. Бродячему же шарлатану, которым наш герой фактически являлся, это обычно не мешало.

Лу соскочил с Гнедого и подбежал к хозяину. Тень слуги упала на Андре, когда великан склонился над ним и тревожно спросил:

– Ну как?

– Жить буду, – сквозь зубы ответил доктор, – Говорил же я вам, что мне следует остаться в Кавайоне. Деревня меня попросту отторгает.

– Никого она не отвергает! Просто Одуванчик Ноэля испугалась, – понизив голос, объяснил слуга, – Его звери вообще боятся.

Доктор не успел как следует удивиться очередной выдумке слуги. На это не было времени и желания. Главная проблема сейчас – где получить помощь в этой дыре? Неужели придется ехать обратно? Садиться на лошадь с такой травмой решительно невозможно.

Пьяница же с интересом прислушивался к разговору путников. Он подошел ближе и лукаво подмигнул Лу.

– Так кто кого боится?

– Ноэль, брось дурить! – отмахнулся парень, – Я Лу Дюмон, если не узнал.

– Как же тебя не узнать, малыш. Второго такого во всем королевстве не сыскать. Но зачем ты тащишь к нам эту хромую ворону? – Ноэль неодобрительно разглядывал черный плащ Андре.

– Сам ворона! Это доктор, они все такие, – обиделся за хозяина Лу, – Вы в своей деревне совсем сдурели.

– А на кой оно нам, – миролюбиво согласился забулдыга, – Все хвори старая ведьма лечит, докторов отродясь не видали. Значит, вы к ней на замену приехали?

– В гости мы, в гости! А что со старой Клементин случилось? Тут ее помощь понадобится.

– Да пока ничего, но все одно ведьма на белом свете не заживется.

– Болеет, что ли?

– Не дождешься! Здоровая, вон только утром меня со двора камнями прогнала. Пришлось здесь, в кустах, досыпать, – Ноэль почесал пузо под рваной рубахой, поежился и заметил, – Свежо, однако.

– А ты как хотел – зима!

– И то верно. Ладно, матушке привет! – пьяница махнул рукой и зашагал в сторону деревни.

– Постой! – Лу даже возмутило поведение земляка, – Тут помощь нужна, дурья башка.

– Да что ж я могу? – удивился Ноэль.

– Клементин к матушке позови хотя бы... Вы ж сами ногу себе не вправите? – поинтересовался Лу у хозяина. Тот покачал головой, – Вот, доктор сам себе не лекарь, так что будем ее у матушки в доме ждать.

– К ведьме не сунуть. Мы нынче сильно поругались, – нахмурился Ноэль, – Я вперед пойду да Ализе предупрежу, чтобы кого-нибудь из младших за нею послала.

– И то хлеб. Ступай уже!

Ноэль снова махнул рукой и побрел в деревню. Доктор между тем прикинул, что немалое расстояние до деревни ему никак не преодолеть пешком. Въезжать

туда, повиснув будто тряпка, на плече гиганта-слуги, совсем не хотелось. Андре хмуро взглянул на Одуванчика. Лошадь уже вполне успокоилась и принялась щипать пожухшие былинки у дороги.

- Сможете осторожно меня на нее посадить? - обратился Андре к слуге.

- И не думайте! Сам донесу. А не хотите - силком потащу. Скоро стемнеет, задубнете тут.

- Повозок в деревне нет? Я заплачу!

- Телега у Тибо, да и все, пожалуй, - подумав, ответил Лу, - Только я его просить не буду, уж не обессудьте!

- Какие тут все чувствительные... Догоните этого блаженного и прикажите ему попросить...

Лу кивнул и помчался следом за Ноэлем. Пьяница брел, едва переставляя ноги, и слуга нагнал его в несколько прыжков. Ноэль выслушал парня, взволнованно размахивавшего ручищами над его головой, кивнул и скорей пошел к деревне.

Когда Лу вернулся, Андре поинтересовался, чтобы отвлечься от боли в ноге:

- Что это за явление?

- Ноэль Дюссо. Раньше плотником у нас был, а потом спился.

- Вот так просто взял и спился?

- Говорят, он в покойную жену Тибо был влюблен по уши; после ее похорон опустился совсем. Перебивается с хлеба на воду, инструмент давно пропил. Мать его жалеет, а мне так ни капельки не жалко. Сам виноват, и вообще страшный он...

- Вы о том, что его звери боятся?

– Вот-вот, собаки его терпеть не могут... Лошади тоже... – Лу осекся и тревожно поглядел пьянице вслед.

– Ерунда, животные просто пьяных не любят, и особенно собаки.

– Да я не о том! Слышали, что он про Клементин болтал? Это знахарка местная, некоторые ее ведьмой считают. Так вот теперь жди беды, раз Ноэль говорит, что она помрет!

Андре крикнул с досады и попытался устроится на земле поудобнее. Когда это не удалось, он продолжил:

– Лу, я по наивности думал, что вы свободны от подобных суеверий. Пьяница зол на вашу знахарку, вот и мелет языком.

– Я в такие штуки и правда не верю, – признался слуга, – Только Ноэль и вправду иногда будущее угадывал.

– И что с того... Я сейчас вам скажу, что завтра дождь будет – а он и вправду может быть. Провидцем от этого не сделаюсь, понимаете?

– Нет, точно вам говорю: Ноэль с темными силами якшается, а старухина песенка спета.

Тем временем из деревни выехала и неспешно направилась в сторону путников грубо сколоченная телега. Скрип ее был слышен издалека. На козлах сидел парень лет шестнадцати. Одет возница был не по-городскому, но вполне чисто и добротнo. Белесые лохмы прикрывала потертая кожаная шляпа. Черты лица были правильными. Парень мог бы покорить немало сердец, тем более в этих краях, если бы не брюзгливое выражение, не сходившее с лица. В телегу была запряжена всего одна лошадь, такая же угрюмая, как возница.

Лу, разглядев возницу, тоже нахмурился.

– Это Дидье Тибо, – шепнул он хозяину. – Значит, он теперь рыбу в город возит...

– Раньше иначе было? – без особого интереса спросил доктор.

– Раньше Люк возил, кузен мой. Старый Тибо все из сынка пытался рыбака сделать, да не вышло, видать. Дидье в море всегда тошнило.

Слуга злорадно хихикнул и поглядел в лицо недруга, который тем временем подъехал совсем близко. Тибо-младший спрыгнул с телеги и приподнял шляпу, разглядывая доктора. Поздороваться парням не пришло в голову. Дидье, оценив обстановку, сказал:

– Ноэль сказал, вас в деревню надо отвезти. Три медяка будет стоить. Забирайтесь, только не перепачкайтесь.

– Обалдел, что ли? Три медяка! Я за столько в городской гостинице лучший номер сниму на неделю, – возмутился Лу.

– Вот и снимай, а хозяин твой пусть пешком туда топает. Как раз за неделю дойдет.

Андре хотел было возмутиться, но быстро понял, что причина такой непочтительности вовсе не в его жалком виде или алчности младшего Тибо. Парни сцепились из-за каких-то прошлых обид, пока неизвестных доктору.

– Пусть будет три медяка, – воскликнул он, – Даже четыре, если довезете бережно. Сдается мне, трясет вашу телегу порядочно.

– Это есть, – согласился парень, проникшийся симпатией к щедрому чужаку, – но поведу ровней, раз такое дело.

Лу хотел было продолжать спор, но под суровым взглядом хозяина быстро скис. Он помог доктору встать на ноги, чтобы пройти несколько шагов и забраться в телегу. Когда Андре устроился среди свалявшегося сена, Дидье уселся на козлы и пустил лошадь шагом. Взяв Гнедого и Одуванчика под уздцы, Лу пошел рядом. Слуга первым нарушил молчание:

– Как мать?

– Хорошо, – пожал плечом Дидье, – Утром только ее видел.

– Младшие здоровы?

– Ага.

– А вообще новости какие-то в деревне есть?

– Нет вроде. Отца старостой выбрали, да я женюсь скоро.

– Ну! На ком? – доктору показалось, что ответ на этот вопрос не на шутку волновал Лу.

– На Одетт Ларош.

– Внучке Клементин?!

– Ага.

Слуга в изумлении покачал головой и больше вопросов не задавал. Доктор не понял и половины из сказанного, и счел благоразумным не прояснять ситуацию до времени. Отношения между жителями деревни явно были слишком тесными и напряженными. Вот за это он и не любил провинцию.

В молчании въехали в деревню. Зима в этих краях была не чета северной; солнце светило ярко и весело, но все-таки во дворах было пустынно: жители прятались от пронизывающего морского ветра. Окруженная домами улица спускалась к морю и заканчивалась причалом, возле которого качалась на воде большая рыбацкая лодка.

Телега остановилась около первого двора. Доктор расплатился, отметив про себя, насколько тощим стал его кошелек за последние недели. Лу вошел во двор и попытался привязать лошадей, но дрожащие от волнения руки помешали ему. Помимо воли парень то и дело оглядывался в сторону одноэтажного домика с черепичной крышей. Внезапно дверь распахнулась; на пороге стояла невысокая хорошенькая женщина с перепачканными мукой руками. Она ахнула и бросилась великану на шею с криком:

– Лу! Моя радость, мой мальчик приехал!

Глава 2

Оказавшись в материнских объятиях, великан ненадолго растерялся и сам чуть было не пустил слезу. Лишь потом он сообразил, что хозяина нужно представить домашним. Мадам присела в быстром реверансе и смутилась до слез. Двое ребят неловко топтались за спиной матери. Они поцеловали брата и вернулись в дом, застенчиво поглядывая на незнакомца в черных одеждах.

Через несколько минут путешественники сидели возле очага, пили горячее вино и рассказывали о своих приключениях. Лу не ошибся: в крошечной гостиной мадам Дюмон кипела работа. Хозяйка одновременно что-то варила, жарила, месила тесто для пирогов. Младшие дети помогали ей. Большеглазая девочка лет семи нарезала овощи, а четырехлетний мальчуган ошипывал в углу птицу.

Мать щебетала без умолку, она то и дело бросала тесто, чтобы еще и еще раз обнять сына. Щеки и новая куртка Лу покрывались белыми пятнами от муки, но парень был совершенно счастлив и не обращал на это внимания.

– Кларис убежала за знахаркой, приведет ее с минуты на минуту, – сказала мадам Ализе доктору, – Вы не волнуйтесь, Клементин очень хорошо коленки лечит. Даже больно не будет.

Доктор улыбнулся, стараясь держаться бодрей. Показывать слабость перед столь хорошенькой женщиной ему совсем не хотелось. Внутри, тем не менее, все тряслось и в голову лезли мысли одна страшнее другой: что за коновалка будет его лечить? Не потребуется ли после отнимать ногу? И кто это сделает, если потребуется?

– Ну и праздник же вы затеяли, будто знали, что мы приедем! – воскликнул тем временем Лу, удивленно оглядывая отчий дом.

– Если бы знала, закатила бы настоящий пир. А это угощение на помолвку Дидье. Он совсем вырос, даже не верится, что я с ним когда-то нянчилась. До твоей силы парню далеко, конечно, но все равно очень складный вышел, – мадам

улыбнулась, – Знаешь, Кларис с ним гуляла одно время, да не сложилось. Ну, тем и лучше: у них обоих кровь горяча, ничего бы хорошего не вышло.

– Ну и слава богу! Только породниться с Тибо нам не доставало, – воскликнул Лу и добавил, увидев укоризненный взгляд матери, – Дидье уж нам сказал по пути сюда. У Одетт, конечно, кровь холодна как у лягушки – не поспоришь. Но как у них сладилось? Она же его всегда терпеть не могла.

– Да по сговору, милый, по сговору. Огюст после... твоего отъезда стал меньше пить, а потом и вовсе бросил. Клементин ему помогла. Вот сдружились они, а там и решили Одетт с Дидье поженить. Пара и взаправду удивительная, но толк может выйти. Она девочка разумная, тихая, а он парень бойкий да за словом в карман не лезет – такие хорошо друг друга дополняют. Знаешь, мы с твоим отцом тоже были очень разные, а жили душа в душу, – женщина смахнула слезинку, оставив на щеке мучной отпечаток ладони.

– А что Кларис?

– Дуется, конечно. Против отцовской воли Дидье не пойдет: нрав у него непростой, но парень все-таки послушный. Так что пришлось девочке смириться. Плакала денек, а сейчас ничего. Она все у Одетт пропадает: они же давние подружки. Кларис шьет неплохо, вот и помогает приданое готовить. Старуха небогата, но с пустыми руками внука от нее не уйдет. Других-то родных нету...

Тут постучали в дверь и на пороге возникла худощавая старушка с крючковатым носом и хитрым прищуром карих глазок. В руках у нее была корзинка, прикрытая грязной тканью. Не здороваясь, женщина прошла в комнату и опустилась на колени рядом с доктором. Вид деревенской знахарки не вызвал у него ни малейшего доверия.

Старушка, отставив в сторону корзину, без церемоний ощупывала колено доктора. При этом она глядела в потолок и шевелила губами, будто что-то подсчитывала в уме. Андре со смесью ужаса и восхищения наблюдал за действиями Клементин: более уверенного лекаря ему встречать не приходилось. Другие обитатели комнаты застыли на своих местах и боялись шелохнуться, чтобы не помешать этому священнодействию.

– Все ясно, – наконец сказала знахарка и кивнула Лу, – Держи его за плечи.

Слуга подскочил с места и стиснул доктора могучими ручищами. У того от неожиданности сперло дыхание. Клементин в эту секунду взяла покалеченную ногу и дернула под хитрым углом. От боли у Андре потемнело глазах. На секунду он, кажется, даже потерял сознание, а когда очнулся, старуха уже подняла свою корзинку и направилась к выходу.

– Да я же вас совсем не приветила! – воскликнула мадам Дюмон, – Оставайтесь, Клементин!

Знахарка с усмешкой поглядела на хозяйку и махнула свободной рукой.

– У тебя нынче и так работы полно. Да еще гостей полон дом. Завтра свидимся и сочтемся.

С этими словами она вышла за порог. Матушка Лу замерла на секунду, глядя старухе вслед, а потом вспомнила о законах гостеприимства. Женщина захлопотала вокруг стола.

– Все-все, угощения эти приготовлю завтра. Сейчас поужинаем, а дела подождут.

Она убрала кадку с тестом для пирогов и велела маленькой Ивет унести оставшиеся продукты в погреб. Через несколько минут на чистом столе появился незатейливый семейный ужин, в основном состоявший из холодного мяса и овощей. Доктор убедился окончательно, что Дюмоны живут очень скромно. Злоупотреблять их гостеприимством совсем не хотелось.

Андре усадили на почетное место во главе стола; после короткой молитвы все приступили к трапезе. За окном темнело. Ужин проходил в тишине: младшие стеснялись незнакомца, Лу думал о чем-то и хмурился, а его мать тоже молчала. Время от времени она бросала беспокойные взгляды на дверь. Раздавшийся вскоре стук, казалось, и обрадовал и напугал ее.

Женщина подбежала к двери и распахнула ее. На пороге стоял коренастый мужчина в потертой кожаной куртке. Из-под косматых бровей глядели колющие глазки, рот потерялся в густой рыжей бороде. Лицо незнакомца украшал на редкость безобразный шрам, который тянулся через переносицу к левой щеке. С

первого взгляда мужчину можно было принять за разбойничьего атамана. Матушку Лу, однако, устрашающая наружность визитера ничуть не смутила. Как ни в чем не бывало, она защебетала:

– Мсье Тибо! У нас почти все готово, пироги и жаркое я закончу завтра. Такая радость: наш Лу вернулся! Представляете, его хозяин погиб два месяца тому назад. Просто кошмар! Слава богу, бедный мальчик уже нашел место... Вот этот господин – доктор, его новый наниматель. Они погостят у нас несколько дней, успели как раз к Рождеству. Такое счастье, не правда ли?

Бородач, смущенный потоком красноречия мадам Дюмон, поклонился доктору, кивнул Лу и вывел хозяйку за дверь для частного разговора. Великан хмуро ковырялся в тарелке, а потом обратился к младшей сестре:

– Старик часто сюда заглядывает?

– Дядя Огюст? По праздникам разве что. Вот дома у него мы часто видимся.

– А что вы делаете у него дома?

– Матушка готовит, я убираю. Они же одни с Дидье, хозяйки нету – вот он нас и нанял.

Лу нахмурился еще сильнее, а затем уточнил:

– Так и этот пир матушка готовит не по доброй воле? Тоже за деньги?

– Ясное дело! Дядя Огюст за работу всегда платит, – кивнула девочка.

За дверью раздался шум. Доктор услышал девичий голос, обладательница которого явно была чем-то недовольна. Через минуту мадам Дюмон вернулась и затащила в комнату свою уменьшенную копию – хорошенькую пышную брюнетку лет четырнадцати-пятнадцати. Девушка была до крайности расстроена. Она едва кивнула гостям и сбежала в свою спальню, захлопнув дверь.

– Вот ведь неожиданность! – развела руками мадам, усаживаясь на свое место, – Мсье Тибо предложил Кларис прислуживать завтра за столом, а она в слезы.

Ясное дело, девочке обидно, но больше-то это делать некому! И деньги хорошие, чего бы не согласиться. Я-то теперь точно не поспею, готовить буду.

- Может, передумает еще, – пожал плечами Лу.

После ужина мадам приготовила постели для доктора и слуги прямо в гостиной. Задремавшего Роже она унесла в свою спальню, а маленькая Ивет ночевала вместе со старшей сестрой. Колено у доктора ныло, хотя мадам и сделала ему холодный компресс. Андре беспокоил его слуга. Весь вечер он хмурился и отмалчивался в разговорах, все глубже уходя в себя.

Когда все улеглись и в доме установилась тишина, Лу приподнялся на локте, повернулся к хозяину и возмущенно прошептал:

- Ну, каково, а?

- Что такое?

- Я говорю: как вам это нравится? – парень был вне себя, – Я три года батрачу на старого прощелыгу, думаю, что семья при этом ни в чем не нуждается, – а тут вон что! Мать в услужении у этого козла, сестру его сынок поматросил да бросил, а теперь и прислуживать на помолвке заставляют! Ну, каково?! На кой черт это все было, на кой черт я уезжал?

- Ситуация неприятная, – согласился доктор, – но вполне объяснимая. Ваш покойный хозяин был редким скрягой, и наверняка жалованья семье не хватало. Что же касается Кларис, то печальные любовные истории случаются сплошь и рядом. На вашем месте я бы прислушался к матушке: в ее словах об удачных и неудачных парах есть резон.

- Какой может быть резон, когда человеку плохо? Кларис дурища редкая, спору нет, но такого не заслуживает. Нет, я вам верно говорю: этот Тибо нашу семью извести хочет. Только я этого не допущу!

- Не горячитесь так! Всякое может быть, – Андре не на шутку встревожился. Парень не первый раз проявлял задорный характер, слишком задорный для его колоссальных размеров и силы. Доктор счел разумным ненадолго переключить

внимание слуги, – вспомните того лавочника, свидетеля вашего договора с Греньи – может быть, он прикарманивал часть ваших денег?

– И с этим разберусь! Вот что: несколько дней осмотримся тут, а после Рождества, как поправитесь, двинем в Кавайон. Заглянем в эту лавку и все выясним.

Доктор вздохнул.

– Пожалуй, остаться в городе было бы для меня куда разумнее. Право, мне очень неловко стеснять вашу матушку. Я здесь совсем чужой. При первой возможности найму телегу Тибо и отправлюсь в Кавайон. Вы можете остаться до конца праздников, а я в гостинице полежу под присмотром прислуги.

Слуга хохотнул:

– Шутить изволите? Завтра помолвка! Вся деревня перепьется, а потом рождественская неделя... Нет, теперь что сделано, то сделано! Вы уже тут, так что встретите праздник с нами и заодно проследите, чтобы я каких глупостей не натворил, – Лу откинулся на спину и скрипнул зубами, – Эх, мне бы вашу ученость! Пока от злости только крушить все охота. Вот ей-богу, пошел бы сейчас и дом его в пыль бы разнес... И лодку бы утопил проклятую.

Глава 3

Когда доктор проснулся, слуги уже не было. Кто-то открыл ставни, и солнце ярко осветило комнату. Из девичьей спальни, тихо ступая, прокралась на улицу маленькая Ивет. Мадам Ализе разжигала очаг. Андре притворился спящим и встал только когда она ушла. Он не любил демонстрировать мятую физиономию хорошеньким женщинам. А теперь даже самостоятельно подняться с постели стало настоящей проблемой.

Мадам Дюмон была еще очень хороша. Одевалась она просто, но с выгодой для себя, и умудрилась сохранить талию даже родив четверых. Эрмите с

удовольствием бы приударил за такой красоткой, не будь она матерью его верного слуги. В том, что Лу не одобрит такого приключения, доктор не сомневался. Становиться отчимом юного великана определенно не входило в его планы.

Андре обулся и, держась за стену, вышел во двор. Он огляделся в поисках слуги. Тот кормил лошадей в покосившемся сарае. Увидев хозяина, Лу вышел к нему и сказал:

- Мать ушла чистоту наводить у старого Тибо. Вернется - опять готовить будет. Велела мне пока натаскать да нагреть воды, чтобы малышей искупать к вечеру. Кларис смылась куда-то еще на рассвете: прибью заразу, как встречу. Вы, мсье доктор, не обессудьте, только до обеда я тут занят по уши. Можете дома у нас книжку почитать, а то и погуляйте по деревне.

- Даже не знаю. Ходок из меня неважный. И не хочется смущать местных своим видом.

- Да ладно! Погода славная, а Ноэль всем уж растрепал, кто вы такой, так что зевак не бойтесь! Тем более к вечеру на помолвку все приглашены - ежели местные на вас не наглядятся за день, то потом вовсе вздохнуть не дадут. К тому же мать нас сегодня кормить не будет, не ждите.

Этот аргумент почти совсем убедил доктора отправиться на прогулку. Поститься перед праздничным ужином он не хотел и вообще считал вредным. Глядишь, в деревне сыщется какая-нибудь пекарня или лавчонка. Андре задумался, балансируя на здоровой ноге.

- Ноэль, кстати, заходил и подарочек вам оставил, - Лу показал на простую, но аккуратную и вполне добротную трость из дерева, прислоненную к стене дома.

Против столь весомого довода Андре возражать не смог. Он умылся с помощью слуги, после чего попросил его принести из дома шляпу, запахнул плащ поплотнее и отправился в путь. В воротах Лу окликнул хозяина:

- Господин доктор! Встретите Кларис - пришлите ее сюда. Дома помощь до зарезу нужна.

- Поищу, – кивнул доктор и вышел на улицу.

Фамильярность слуги нередко заставляла его хмуриться. Лу был юн, неглуп по натуре, но совершенно неотесан после службы на предыдущем месте. Старый купец Греньи взял его совсем мальчишкой, ничему не учил и содержал впроголодь. Ничего удивительного, что парень время от времени демонстрирует в общении с новым господином непростительную развязность. Доктор пока не придумал, как с этим справиться.

Чтобы отвлечься от грустных дум, он решил спуститься к морю. На побережье судьба не заносила Андре много лет; стыдно было не воспользоваться случаем и не подышать целебным морским воздухом. Он захромал вниз по улице. Вся деревня, как ему верно показалось издалека, состояла из полутора десятков домишек. Они толпились вдоль дороги, спускавшейся к морю.

Доктор тщетно пытался разглядеть где-нибудь вывеску. Здесь не было ни трактира, ни продуктовой лавки – забытое богом место! В городе он бы перекусил в какой-нибудь харчевне, а в подарок гостеприимной хозяйке купил бы баранью ногу или еще чего хорошего. Но в этой глуши надеяться было не на что.

На улице, во дворах и даже в окнах домов не было видно ни души. Деревня казалась вымершей. Люди готовились к празднику, даже сразу к двум. Вообще что за странная идея – устраивать помолвку под Рождество, да еще приглашать кучу гостей? Нет, доктор решительно не понимал деревенских обычаев. И потом, разве в это время года кто-нибудь женится?

Ничего похожего на церковь или часовню Андре поблизости не видел. Может быть, здесь принято, чтобы староста, ряженный Нептуном, венчал влюбленных? Едва ли церковь такое одобряет, но кто поймет этих жителей побережья.

Доктор подошел к пристани, рядом с которой стоял большой лодочный сарай. Ворота были не заперты и поскрипывали от ветра. Оттуда несло крепким рыбным духом, песок кругом потемнел от рассыпанной чешуи, а внутри возвышалась куча пустых бочек. Из сарая вышел вчерашний знакомец доктора мсье Тибо с сетью в руках. Сейчас он и в самом деле смахивал на Нептуна, собравшегося на охоту за кораблями.

Доктор, который порядком устал и уже был готов вернуться к Лу и заняться чтением в ожидании какого-никакого ужина, искренне обрадовался этой встрече. Он остановился и прикоснулся к шляпе.

- Доброе утро, мсье!

- Доброе, - буркнул рыбак, бросая свою ношу на землю.

- Для рыбалки, кажется, поздновато?

- Ясное дело. Подлатать нужно, а то забудется, - пояснил Тибо, расправляя сеть на песке.

- Понимаю, у вас впереди еще столько хлопот. Когда я согласился приехать сюда вместе с Лу, то ожидал спокойного семейного праздника, а услышал, что в деревне ожидается невиданное торжество, - доктор неловко топтался на месте, опершись на трость. Рыбак не спешил отвечать, и он продолжил, - Позвольте поздравить вас с помолвкой... Никогда, правда, не слышал, чтобы ее устраивали под Рождество.

- Большого греха нет, - пожал плечами его собеседник.

- Разумеется, разумеется. И все-таки здесь все так необычно. Ни лавки, ни церкви...

- На кой оно тут? Дидье каждый месяц, а то и чаще, ездит в город; кому чего надо - привезет. А священник тоже частенько приезжает: поженить или отпеть - пожалуйста. Или если суд какой...

- Суд? - удивился Андре.

- Здесь церковные земли, так что власть у нас особая, - пояснил рыбак.

Вот тебе раз! Андре умудрился упустить такую маленькую, но важную подробность. Земель, находившихся под управлением католической церкви, он старательно избегал. Если в обычном городе за его деятельность магистрат мог в худшем случае выпороть, то здесь запросто представлялся случай быть

заживо сожженным. И это еще будет не самое худшее!

- Об этом мне Лу не рассказывал, - пробормотал доктор.

- А что, инквизиции опасаетесь? - усмехнулся в усы Тибо.

- Как будто не из-за чего. Я обычный лекарь... Ваша будущая родственница, насколько я знаю, живет здесь вполне спокойно.

- Да о ней только болтают, обычная девчонка.

- Я о старой знахарке... Кажется, это бабушка вашей будущей невестки.

- Клементин - простая повитуха. В каждой деревне такая найдется. Кость может вправить, травы знает, на родах поможет - и всех дел. За ведьму ее только дураки держат.

- Вроде Ноэля?

- Ну, этот не дурак, - Тибо нахмурился, - пьяница, да и только.

- Я заметил. Он нам встретился вчера, на въезде в деревню. Напугал лошадей; из-за этого я и покалечен теперь, - Андре повертел в руках трость, - Его подарочек... Этот Ноэль, между прочим, и болтал что-то про старую ведьму.

Тибо пожал плечами. Незнакомец начинал ему надоедать.

- Лошади пьяных не любят. А с Клементин он давно не ладит, вот и треплется...

- Да-да, Ноэль упомянул, что утром вновь с ней разругался. Кстати, он предрекал знахарке скорейшую гибель. Я не воспринял этих слов всерьез, но Лу здорово был напуган.

- Мальчишку легко напугать. Ноэль часто треплется черт знает о чем, да никто не слушает. А Лу его с детства побаивался, Дидье еще над этим потешался.

- Они не дружили?

- Какое там! Мы с покойным Тристаном были не разлей вода, а вот сыновья наши не ладили, хотя выросли вместе.

- Ведь мадам Дюмон ухаживала за маленьким Дидье? - из вежливости поинтересовался доктор.

- Да, почти год после смерти жены. Потом родился Лу, и она стала реже к нам заходить.

- Дети часто бывают ревнивы. Такое соперничество - плохое начало для крепкой дружбы. Тем удивительнее, что вы против отношений Дидье и Кларис...

Тибо выпрямился и уставился на Андре:

- А с чего мне этому радоваться?

- Она ведь тоже дочь вашего покойного друга, - осторожно сказал доктор.

- И что с того? Она плохая пара для Дидье, так же как он - для нее. Сейчас у них любовь, а после свадьбы драки начнутся. Я поспешил обручить сына с внучкой Клементин, пока не стало слишком поздно. Глупостей дети натворить не успели, да и мы с Ализе... с мадам Дюмон присматривали за ними. Если у Кларис сейчас глаза на мокром месте - так что взять с девчонки? Такая красotka жениха всегда найдет, и ее мать со мной согласна.

- Простите, если я выразился бестактно. Со стороны все это выглядит не очень хорошо. Боюсь, что Лу тоже неверно оценил ситуацию в семье.

- С его сестрой все будет в порядке,- сказал рыбак, - Пусть зря не беспокоится.

- По правде говоря, вчера на него свалилось слишком много новостей. Думаю, парню просто нужно время.

- Этого как раз предостаточно, - усмехнулся бородач, - На праздниках отдохнет как следует да побреет. Как он, винишко-то уважает?

- Не особенно...

- И хорошо! Значит, не совсем дурак растет. Мой-то хлещет - дай бог каждому. Приходите вечером к нам вместе с Лу. На молодых поглядите, да и погуляете от души.

- Благодарю, с удовольствием. Кстати, он просил меня поискать Кларис: вы не видели ее?

- Да наверняка у Одетт приданое готовит. Этих девчонок пойдя пойми: вроде соперницы, а все ж подружки. Берегом дальше пройдите, там их дом.

Андре поклонился, плотнее запахнул плащ и поглядел в направлении, которое указал ему рыбак. Изогнутая линия берега простиралась вдаль на добрый лье. Небо над морем начинало хмуриться. Дорога туда и обратно при его хромоте займет не меньше двух часов. С другой стороны, это лучше, чем умирать с голоду в гостиной мадам Ализе, наполненной вкусными запахами. Вздохнув, доктор побрел по сырому песку. Ветер усиливался.

Когда Андре подошел к дому знахарки, небо совсем заволкло тучами, а веселый плеск волн сменился устрашающим грохотом. Доктору не приходилось видеть шторма, а желание поскорее вернуться под кров Дюмонов побудило его живе́е хромать вперед. Хижина из серого обветренного камня стояла на холме, заросшем порыжелой травой. Редкие деревца с кривыми стволами беспорядочно толпились на склоне, словно соревнуясь в уродстве между собой. В таком месте вполне могла поселиться настоящая ведьма. Доктор в нерешительности стоял перед крыльцом, поглядывая на окна. Ставни были закрыты - может быть, дома и вовсе никого нет.

Чья-то рука легла на плечо. Доктор с криком отскочил; за его спиной стояла знахарка. Шквал трепал пучок волос на макушке и развевал юбку коричневого сукна. Под грохот прибоя Клементин даже стараться не пришлось, чтобы незамеченной подойти к Андре и перепугать его до полусмерти. Сморщенные губы растянулись в насмешке и старушка тонко пропела:

- Кого ждем?

- Простите, мадам... мадам...

- Ларош, - важно подсказала знахарка.

- Еще раз простите, мадам Ларош. Мне было известно только ваше имя. Я ищу мадемуазель Кларис и думал, что она направилась сюда.

- Вон что, - старушка обошла его и поставила на крыльцо свою корзинку, - И для чего это тебе нужна малютка Кларис?

- Лу... Старший брат ее ищет. Их матери пригодилась бы помощь на кухне.

- Далеко же ты ускакал, ворона, - заметила знахарка, не обращая внимания на его слова, - Я вправила твое колено, но я ж не волшебница. Поостерегся бы! Или городские доктора научились лечить вывихи за одну ночь?

Где-то он это уже слышал... Несмотря на внутреннее возмущение, доктора развеселило это прозвище. В своих черных одеждах, на ветреном морском берегу он и вправду был похож на подбитую птицу... Ну конечно!

- А, Ноэль здесь уже побывал?

- Да, этот пьянчуга второй день покою не дает. Значит, без Кларис не уйдешь... Кларис! - крикнула она таким зычным голосом, что доктор вновь потерял самообладание.

Сухим кулачком старушка заколотила в дверь. Ей отворила худенькая светловолосая девочка. Она равнодушно взглянула на доктора, подобрала корзинку и скрылась в доме. Через секунду на крыльцо вышла Кларис. Появление Андре ее ничуть не удивило. Девушка запахнула шаль, сухо кивнула на прощание мадам Ларош и направилась по берегу к деревне. Доктор собрался последовать за ней, но старушка задержала его.

- Присмотри за этой дурехой, - сказала она, - В доме Дюмонов светлых голов всегда не хватало. Девчонка злится, да виду не подает: не к добру это.

- Так, может, не стоило злить? - осторожно спросил доктор.

- Подрстет – спасибо скажет, – усмехнулась старушка и хрипло крикнула вслед девушке, – Эй, подол крепче держи!

Кларис вздрогнула и ускорила шаг. Доктор захромал следом, но нагнать ее не мог. Пришлось окликнуть девушку. Когда они поравнялись, красавица метнула на него злобный взгляд.

- И чего надо? Не ходите за мной, сама дорогу найду.

- Нам все равно в одну сторону, – вымученно улыбнулся ей доктор.

- Без вас знаю. То есть... – спохватилась девушка, – Простите, мсье! Вы не сердитесь, пожалуйста, я просто злая сегодня.

Ей явно было совестно за то, что накричала на хромого. А может быть, девчонка просто боится, что брат потеряет работу из-за ее дерзости? В любом случае Андре скорее предпочел бы дойти до деревни в приятной компании, чем в одиночку. Поддерживать подобные разговоры он умел. Сочувственно улыбнувшись девушке, доктор сказал:

- А кто бы не разозлился. Жениха увели, еще на помолвке прислуживать теперь...

- Вот вы понимаете! – обрадовалась вдумчивому собеседнику Кларис, – А все говорят: дура, дура. Почему дура-то? Мы с Дидье все лето гуляли, никому и дела не было, а потом...

- Ну... У меня дочери нет, но как врач знаю, что так и до беды недалеко, – заметил Андре.

- Мы ж не какие-нибудь! Всегда на людях были. Дидье, конечно, предлагал, но чтоб я... Так и сказала: до свадьбы чтоб никаких! Он свататься хотел, понимаете?

- Неужели?

– Да! А потом... – девушка яростно пнула песчаную кочку, – Чем я не угодила? Одетт хоть и старше, но тощая ж совсем – да вы сами видели!

– Это была Одетт? – удивился доктор, – Но она же совсем ребенок.

– А я о чем?! У нее и детей небось не будет.

– Небось...

– И сама она не хочет за него! Бабка велела, вот и идет... – горько завершила историю Кларис.

Андре вздохнул. По опыту он знал, что в такой ситуации лучше всего промолчать. Девушка взяла его под руку и они медленно направились в деревню. Явно привыкшая к быстрой ходьбе Кларис то и дело сбивалась с шага и вскоре устала не менее доктора. Дойдя до причала, спутники остановились передохнуть.

Сарай был заперт, берег опустел. Благодаря изогнутому мысу, закрывавшему часть бухты от ветра, волн здесь почти не было, и лодка Тибо едва покачивалась на воде.

Кларис вздохнула и обернулась к доктору:

– Как думаете, мне надо на эту помолвку идти?

– Думаю, надо, – серьезно ответил Андре, – Матушке вашей помощь нужна, да и подругу обижать не дело. Вы же сами говорите, что она ни при чем.

– Обидно, – прошептала девушка.

В крошечной гостиной Дюмонов вновь кипела работа. Мадам вернулась от старосты и продолжила готовить угощения. Над очагом подрумянивались на вертеле три фазана, еще шесть ожидали своей очереди. В подвешенном на крюке котелке бурлил кипяток. Посреди гостиной стояла большая лохань, наполненная водой; Роже с почтеным страхом поглядывал на нее. Его сестренка уже закончила с купанием и теперь расчесывала гребнем мокрые кудряшки.

Доктор в нерешительности застыл на пороге при виде этой суеты. Из материнской спальни вышел преображенный Лу. Он умылся, привел в порядок лохматую шевелюру и даже почистил куртку, на которой обычно красовалось от шести до четырнадцати репейников.

– Красавец! Ох, останется Дидье без невесты, – изрекла Кларис, оценив наружность брата. Тот вспыхнул, а девушка показала ему язык и принялась шустро раздевать маленького Роже. Она сняла котелок с очага и выплеснула кипяток в лохань. Малыш совсем сник, поняв, что экзекуции водой и щелоком ему сегодня не избежать.

Работа закипела с новой силой. Младший Дюмон вопил во все горло, мать покрикивала на него, сестры хохотали. Лу, боясь испортить свой наряд, уселся на скамье, стоявшей вдоль стены. Доктор воспользовался этим. Вытащив книгу из сумки, он пристроился за необъятной спиной слуги и погрузился в чтение.

Искупав младшего брата, Кларисс помощью Лу вытащила лохань на улицу, после чего принялась помогать матери. Новые и новые блюда появлялись на столе. Кларис мигом куда-то их уносила, освобождая место для очередной порции угощений. Так продолжалось не менее двух часов. Желудок у доктора свело окончательно, и, судя по звукам и вздохам со стороны Лу, парень тоже страдал от голода.

Наконец, Кларис накинула на плечи платочек понаряднее, щелкнула брата по затылку и убежала к Тибо, чтобы завершить торжественные приготовления. Мать сняла перепачканный передник и надела праздничный чепец. Все члены семьи были в своем лучшем виде. Дети сияли чистотой. Мадам пришлось дважды окликнуть доктора, когда пришла пора отправляться в путь. Он спрятал книгу, взял трость и захромал следом за Дюмонами на улицу, надеясь как минимум на хороший ужин.

Путь оказался близким: Тибо жил рядом. Его двухэтажный дом выглядел весьма солидно на фоне приземистых соседей. Судя по цвету штукатурки, верхняя часть была достроена совсем недавно. Похоже, здесь всерьез готовились к увеличению семьи. «Неужели рыбак собирается жить вместе с молодыми?» – удивился про себя доктор.

Улица была полна народа. Во дворе дома Тибо уже столпилось с полтора десятка человек, а гости продолжали прибывать. К огромному росту Лу в деревне давно привыкли, поэтому на здоровяке никто не задерживал взгляда, а вот доктора сверлил глазами каждый. Его черная одежда, смуглая кожа и гладко выбритое лицо были здесь чуждыми.

Местные с любопытством таращились на Андре, из-за чего он чувствовал себя не в своей тарелке. Мадам Дюмон, между тем, наслаждалась произведенным на земляков впечатлением. Улыбаясь, женщина помахала кому-то на улице.

Увидев приветственный жест тетушки Ализе, Люк поднял руку и помахал ей в ответ. Рядом с матерью возвышалась колоссальная фигура Лу. Как всегда, Люк про себя изумился его гигантскому росту. Воистину, этот парень был выше всех не то что в деревне, в самом городе! Дальше города Люк мира не представлял себе, да и не нужно ему это было.

Откуда в их семье такая могучая фигура – одному богу известно. Тетушка Ализе с детьми – единственная его оставшаяся в живых родня. Все они, не считая кузена, были обычными и даже невысокими. Люк и вовсе стеснялся своей щуплости, а рядом с женой изо всех сил выпячивал грудь. Впрочем, это было бесполезно: Кристин отличалась статностью не в пример мужу. Как и ее дядя, если вспомнить хорошенько. Тристан, покойный супруг тетушки Ализе, был высок и широк в плечах, но даже он рядом с сыном казался коротышкой.

Осторожно пробираясь среди толпы, Люк пожалел, что оставил Кристин одну с детьми. Все-таки не дело это – без жены на праздники ходить. Ей, понятное дело, неохота с таким животом в люди. А если придет пора рожать сегодня? Его рядом не будет, да и вся деревня на бровях, включая повитуху. Рыбак нахмурился: Клементин была любительницей выпить.

Толпа, собравшаяся во дворе Тибо, чего-то ждала. Хозяина не было видно, но ставни окна наверху были приоткрыты, там время от времени мелькала хорошенькая головка Кларис.

– Идут! Идут! – закричали в толпе. Окошко захлопнулось, а входная дверь через минуту отворилась и на пороге дома появился рыбак. Доктор заметил, что он не посчитал нужным наряжаться, но борода сегодня выглядела не слишком зловещей и даже аккуратной. За широкой спиной отца маячил Дидье. Парень принарядился по случаю помолвки и щеголял голенастыми ногами в узких шерстяных трико (ох и колетса, должно быть!). Пухлые губы кривились в капризной гримасе. С трудом верилось, что этот юнец мог завоевать сердце такой красотики как Кларис, да и вообще чье-либо.

К дому между тем приближались последние и самые почетные гости: невеста под руку с бабушкой. Одетт выглядела отстраненной. Она не особенно позаботилась о наряде. Доктору показалось, что на девушке то же платье, что он видел на ней днем. Зато мадам Ларош прифрантилась на зависть всем соседкам. Седую голову украшал чепец с широчайшими полями, шаль пестрела всеми цветами радуги, а из-под юбки, которую трепал шквальный ветер, выглядывали городские башмаки с узкими загнутыми носами. В новой обуви старушка чувствовала себя не слишком уверенно, но ступала важно и явно гордилась впечатлением, которое производила своим обликом.

Невеста и бабушка подошли к крыльцу. Отец жениха степенно поклонился и предложил локоть мадам Ларош. Вместе они прошествовали в дом. Дидье небрежно подал руку Одетт, и пара последовала за старшими. Остальные жители деревни с радостными криками тоже поспешили войти внутрь.

Веселая толпа почти внесла доктора и его спутников в просторную гостиную Тибо. Комната, судя по ее размерам, занимала почти весь первый этаж. Единственная дверь вела в соседнее помещение, а лестница наверх скрывалась за перегородкой. Несколько длинных столов здесь были составлены буквой «П». Каждый покрывала белоснежная скатерть, на которой красовалась разнообразная снедь, приготовленная матушкой Лу. На почетное место посередине уселись жених с невестой, а рядом с ними разместились представители старшего поколения. Все они выпрямились на стульях и с важным видом взирали на гостей.

Поочередно жители деревни подходили к столу. Женщины приседали в неловких реверансах, их мужья снимали шляпы и топтались на месте, дети тарасили глаза на разодетую «ведьму» и бороду старосты. Только после этих расшаркиваний семья усаживалась за стол. Разрумянившаяся Кларис зорко следила за порядком. Самых нерасторопных гостей она отлавливала за рукав или за шиворот – в зависимости от возраста – и водворяла на положенное место.

Семья Дюмонов в сторонке ожидала своей очереди приветствовать хозяев. Мадам беспокойно оглядывала детей, то расправляя воротничок Роже, то приглаживая кудряшки Ивет. Лу подпирал стену гостиной, доктор стоял рядом и с интересом взирал на происходящее вокруг. Он не раз бывал на городских помолвках, но такого буйства красок в нарядах, такой торжественности на лицах нигде видеть не приходилось. Под влиянием обстановки доктор и сам начал волноваться, как бы не опростоволоситься и не нарушить чем-нибудь этот неведомый ему деревенский этикет.

От его внимания не ускользнуло, что тон всему действию задавала мадам Ларош. Старая знахарка придала обычной, в общем-то, церемонии дух небывалой торжественности: милостиво кивала, когда все шло хорошо, и хмурила брови, если кто-то не следовал этикету. Она сидела на почетном месте, бесконечно довольная собой.

Казалось, только старушка рада предстоящей свадьбе; во всяком случае юная Одетт ни разу не улыбнулась, а Дидье сидел с весьма рассеянным видом. Отец жениха старался держать лицо поважнее, но это плохо удавалось. По всему было видно, что этому простому человеку не по нутру роль гостеприимного хозяина.

Наконец матушка Лу выступила вперед, увлекая за собой Ивет и обоих сыновей. Кларис сделала страшные глаза, и доктор нерешительно последовал за Дюмонами. Мадам присела в реверансе; Андре показалось, что лицо старшего Тибо на секунду просветлело.

– Добро пожаловать, добро пожаловать. Спасибо за прекрасное угощение, мадам, – пробасил он.

– Да уж, Ализе, ты расстаралась на славу, – подхватила старая знахарка, – А это твой старшенький? Вот уж не думала, что можно вымахать еще выше. И кто бы

поверил, что он родился до срока?

Мадам Ларош залилась визгливым смехом, Лу неловко поклонился, а его матушка смущенно улыбнулась в ответ. Андре успел услышать, как она пробормотала тихонько: «Ведьма проклятая!» Подоспевшая Кларис отвела семью за стол. Доктор с достоинством, оцененным всеми присутствующими, поклонился хозяевам, поздравил молодых, а затем уселся рядом с Дюмонами.

Когда последние гости заняли свои места, старший Тибо поднялся со стула. Он произнес короткую и не совсем внятную речь. Затем встала мадам Ларош, продекламировав еще менее внятный ответ. После этого старушка попросила встать свою внучку, а мсье Тибо – сына, и они соединили руки молодых. Над столом грянуло нестройное «Ура!», кто-то кричал: «Многие лета!», кто-то запустил в жениха гнилым яблоком – словом, начало веселью было положено.

Вино лилось рекой. За здоровье молодых поднимали кубки тут и там. Вот уже кто-то затянул песню, затем другой достал из-за пазухи флейту, третий забарабанил ладонями по столу. Несколько деревенских музыкантов начали выводить залихватские трели сначала вразнобой, а потом и в такт. Захмелевшие гости робко поглядывали на хозяев. Старший Тибо сидел, сурово насупившись, и никоим образом не выражал одобрения нарастающему веселью.

Его сын, наоборот, едва мог усидеть на месте. Он несколько раз пихнул в бок свою нареченную и наконец попросту вытащил ее за руку на середину комнаты. Невеста с неохотой сделала несколько па, но после оттолкнула жениха и вернулась за стол. Молодежь тем временем повскакивала с мест и присоединилась к танцующим. Собственно, молодежи здесь было немного: менее десятка парней и всего четыре девушки, с учетом Кларис и невесты. Лу постеснялся танцевать. Он сидел на месте и с глуповатой пьяной улыбкой разглядывал окружающих. Люк тоже не тронулся с места: негоже веселиться без жены.

В комнате становилось жарко. Кто-то открыл дверь и доктор понял, что скоро стемнеет. Он предложил мадам Ализе пойти вместе с младшими домой, и она согласилась. Они поднялись из-за стола и начали пробираться к выходу. Женщину слегка покачивало от выпитого за вечер вина, поэтому Андре поддерживал ее под руку. Ивет и маленький Роже, зевая во всю глотку, семенили следом, Лу решил остаться.

Праздником завладела молодежь. Многие из гостей тоже засобирались домой. Старший Тибо встал, чтобы проводить до дверей мадам Ларош. Старушка вышла из ворот, важно кивая окружающим. Женщина была сильно навеселе; у Андре даже мелькнула мысль, что не помешает проводить ее до дома. Впрочем, его нога считала иначе. Доктор решил, что его рыцарских замашек хватит только до соседнего дома, тем более что матушка Лу тоже нуждалась в сопровождении. Она пританцовывала, напевала что-то под нос, а потом весело крикнула знахарке:

– Эй, Клементин, башмаки-то не потеряй!

– За собой следи, – беззлобно огрызнулась старушка, махнула рукой и побрела к морю.

Дорога домой обошлась без приключений. Всего-то и надо было, что в соседний двор зайти. Впрочем, мадам Ализе это было не так-то просто. Молодая еще женщина истосковалась, заботясь о детях и влача грустную вдовью долю. Вино затуманило ей голову и толкало на небольшие глупости вроде упомянутых уже танцев и пения. Оставив старших детей на празднике, она дала себе волю.

В доме Дюмонов было непривычно тихо. Роже валился с ног от усталости и количества съеденного. Сестра увела его в материнскую спальню, а сама ушла в девичью. Мадам опустила на стул возле тлеющего очага и выдохнула:

– Ох и славно повеселились! Ей-богу, мсье доктор, давно таких праздников в наших краях не устраивали.

– Помолвка удалась на славу, – согласился Андре, тоже усаживаясь к огню.

Нога гудела, он успел десять раз пожалеть о дневной прогулке. Женщина была в хорошем настроении и явно желала поболтать.

– Старая Клементин так задирает нос, что глядеть тошно. Они давние друзья с Огюстом, а теперь вовсе породнятся – но это же не повод терять голову! Как вы думаете?

– Я вообще мало что понял из событий сегодняшнего вечера. Мне показалось, что будущие молодожены не слишком рады помолвке.

– Конечно, нет. Дидье все еще сохнет по моей Кларис, но пара из них никудышная. Бедная девочка! – вздохнула мадам, – Надеюсь, у нее хватит умишки побыстрее забыть этого пройдоху. А Одетт скоренько его подомнет под себя. Глядишь – и человеком сделает.

– А сейчас он не человек? – лукаво улыбнулся доктор. Дидье на первый взгляд действительно не заслуживал этого почетного звания, однако женские рассуждения о перевоспитании супругов всегда его забавляли.

– Неа. Так, пирожок непропеченный, – матушка Лу махнула рукой, – Только о себе и думает – с таким каши не сварить. Он, конечно, завидный жених в наших краях, но Кларис лучше подойдет скромный работающий паренек.

– Пожалуй. А много ли таких?

– Найдутся... – она вновь отмахнулась, но куда добродушнее на этот раз, – Идите спать, доктор. Идите в спальню к Роже, я подожду здесь ребят. Думаю, Лу поможет сестре прибраться и они вернутся вместе.

– Не слишком ли я стесню вас, – неуверенно спросил доктор, не совсем разобрав, кто где и с кем спит.

– О, перестаньте, – улыбнулась мадам, – Я все равно не усну, пока все дети не будут дома. Посижу тут, потом лягу с девочками, а Лу к вам придет. В гостиной вы сегодня не выспитесь, разбудят вас мои чертенята, как вернутся.

– Спокойной ночи, мадам.

Доктор не без смущения прошел в хозяйскую спальню. Это была крошечная комната с кроватью, застеленной шерстяным одеялом. У стены стоял большой сундук, на котором посапывал маленький Роже. Андре осторожно улегся на кровати. Сон не шел к нему; в голове продолжали насвистывать флейты, перед глазами мелькали пляшущие рыбаки и рыбачки, а посреди всего этого белело лицо юной невесты. Мрачное, почти отчаянное в своем несчастье.

Глава 5

От музыки болела голова. Одетт почти не притронулась к вину, но виски ломило так, будто она выпила половину бочонка. Кому нужна эта попойка накануне Рождества? Кому вообще нужна эта помолвка? Одетт бы точно обошлась без нее.

Девушка вздохнула, стараясь не привлекать ненужного внимания. Сильнее всего хотелось бы сейчас оказаться дома. Там тихо, там волны бьются о берег совсем рядом, там Клементин. При воспоминании о старой знахарке девушка нахмурилась. Одетт любила бабушку, но эта идея с помолвкой была слишком безумной даже для нее. Вся деревня судачит об их скороспелой свадьбе, Кларис ходит как в воду опущенная – и ради чего все это?

Одетт отыскала глазами в толпе веселящихся гостей подружку. Кларис танцевала с Дидье. На ее щеках горел румянец, глаза сверкали, грудь высоко вздымалась, а башмаки задорно отбивали такт о деревянные половицы. Кавалер представлял собой печальное зрелище: он был в стельку пьян, почти не замечал партнершу и тупо топтался на месте. Одетт с отвращением рассматривала суженого. Кажется, Кларис говорила, что Дидье никогда не пьянеет. Как всегда, преувеличивала.

До чего же он жалок! Голенастый, тощий, как жеребенок. От этого пуха на щеках любую нормальную девушку смех разберет, но Кларис считала Дидье самым красивым парнем на свете. Ей действительно не было дела до богатств его отца, по которым вздыхали все невесты в деревне и за ее пределами. Подружка была влюблена в сына Тибо, Одетт знала это точно. Тем неприятнее ей была эта помолвка, тем совестней глядеть в глаза Кларис.

Музыка замолчала. Пока играющие переводили дыхание и освежались вином, Одетт воспользовалась паузой и подошла к подружке.

– Я хочу домой. Уже поздно, может, пойдем? Лу нас проводит.

– Да где же поздно? Смотри, все старики разошлись, можно повеселиться как следует, – запротестовала Кларис. От танцев она запыхалась, а на пухлых щечках играл румянец.

– Завтра нам эти старики головы поотрывают, если засидимся тут допоздна. Тибо скоро надоест терпеть шум: выйдет и разгонит всех. Так лучше пойдем сейчас. Лу, скажи своей сестре!

Великан, который до этого мирно сидел на скамье и наслаждался очередным пирогом с курицей, поглядел на развеселившуюся Кларис. Убедившись, что сестра явнохватила лишку, он принялся ее уговаривать:

– Правда, лучше пойдем. Мать ведь не уснет, покуда нас не дождется. Проводим Одетт – и домой.

– Я и забыть успела, какой ты зануда! Ничуть не изменился, а, Одетт? Все тот же здоровый тупой Лу!

– Прекрати, самой потом стыдно будет. Он ведь уедет скоро, можете вообще больше не свидеться.

– Невелика потеря. Три года дурака не видела и еще сто бы не видела.

Лу насупился. Оставлять сестру здесь было нельзя, но и терпеть ее выходки совсем не хотелось.

– Что за шум? – к ним подошел Дидье.

– Твоя невеста устала и хочет домо-оооой! – противным голоском протянула Кларис.

– Да кто бы сомневался, веселье эту задаваку только утомит. Пусть идет, раз хочет...

– Но она хочет, чтоб мы с Лу ее проводили!

– Да мы все ее проводим, с большой радостью. Ваше скромнейшество не возражает? – Дидье склонился в насмешливом реверансе. Одетт с каменным лицом прошла мимо него к двери.

Ночь встретила ее тьмой и порывами ветра. Девушка запахнула шаль плотнее и пожалела, что не оделась теплее, когда уходила из дома. Она решительно зашагала на шум прибоа. За ее спиной из старостиного дома выбегали подвыпившие юноши и девушки. Они пошатывались, падали, хватались друг за друга и хохотали. У многих парней в руках были горящие факелы. Шумная ватага хлынула по улице следом за Одетт. Лу с сестрой первыми догнали ее. Кларис подхватила подругу под руку и молча зашагала рядом; Одетт была признательна и за это.

Свет факелов слепил, на темном берегу пьяные парни спотыкались, налетали друг на друга, и поэтому компания продвигалась вперед медленно. Одетт с отчаянием подумала, что и к утру не доберется до дома. К ней подошел Дидье, попытался обнять. Девушка сбросила его руку, жених ухмыльнулся и скрылся в темноте.

– Не обижала б ты его, – шепнула Кларис, – Вам жить, зачем врага сразу делать?

– Тоже мне, враг, – скривилась Одетт.

– Ничего не боишься, значит. Ну и дура!

Девушка легко оттолкнула подругу и тоже исчезла. Одетт вздохнула и оглянулась на Лу. Великан молча топал сзади с факелом в руках. Она сбавила шаг, чтобы поравняться с парнем, и сказала:

– Ты уж за ней пригляди. Она со мной по пять раз на дню ссорится.

– Будто раньше лучше бывало, – ухмыльнулся Лу.

– Не лучше, но разве то ссоры были... Сейчас мне рядом с Кларис боязно бывает.

– Тебе-то?

- Не веришь?

- Ни в жисть не поверю. Чтобы ты, да нашей малявки забоялась - нет уж. Дудки, - гигант покачал головой и повторил для надежности, - Дудки!

Одетт улыбнулась про себя. В деревне она никогда не была по-настоящему своей. Рассказывали, что единственный сын старой Клементин Жак явился домой пятнадцать лет назад, весь оборванный и с крошечной девочкой на руках. Знахарка взяла малышку, но сына даже на порог не пустила. Вскоре его нашли мертвым у дороги: парень замерз на обратном пути в Кавайон.

Каких только домыслов не озвучивали местные кумушки насчет того случая. Знахарка не любила о нем говорить. Одетт от бабушки знала, что отец беспробудно пил, иной раз поднимал руку на Клементин и вообще был непутевый. К чему такого вспоминать? А в деревне пусть болтают, что хотят. И ведь болтали! И о смерти Жака, и о происхождении Одетт, и о странностях девочки.

А всех странностей было, что она росла тихой и не любила болтать языком почем зря. Одетт сохраняла невозмутимость даже в минуту опасности, из-за чего считалось, будто она ничего не боится. На деле это было далеко не так, но разве досужим сплетникам объяснишь...Нет, внучке ведьмы избежать слухов решительно невозможно.

Впереди послышался крик. Среди выпивших парней завязалась драка. Несколько факелов упало на песок и погасло. Девушки визжали, в сгустившейся темноте слышалось сопение и глухие удары.

- Где Кларис? Видишь ее? Стой тут! - испугано крикнул Лу и ринулся в самую гущу потасовки. Великан врезался в толпу дерущихся, размахивая факелом. Свет выхватывал из темноты одно окровавленное лицо за другим. Физиономии были искажены страхом: Лу здорово напугал парней. Его сестры не было видно.

- Чего он делает? - вынырнувшая из темноты Кларис тронула Одетт за локоть.

- Тебя там ищет... Лу!

Парень подбежал к девушкам, тяжело дыша.

– Совсем обалдела! – накинулся он на сестру, – Мать мне за тебя голову снимет. Опять вздумаешь исчезнуть – уши оборву!

– Да будет тебе, – пробормотала Кларис. Натиск молчаливого обычно брата удивил и смутил ее.

Драка тем временем унялась сама собой. Пострадавшие умылись морской водой, подобрали и зажгли факелы. Шествие возобновилось. Подруги шагали молча, Лу угрюмо сопел позади.

Через минуту толпа приблизилась к дому Клементин. В темноте едва виднелась узкая полоска света между закрытыми ставнями. Внутри было тихо; по-видимому, Клементин уже легла спать. Одетт поцеловала подругу, поднялась на крыльцо и вошла в дом.

Огонь в очаге почти догорел, в маленькой гостиной было темно и прохладно. Заперев вход, девушка немного постояла у двери. Снаружи слышались голоса и смех, но через минуту все стихло. Одетт уселась к очагу, подбросила хвороста и задумалась, уставившись на пламя.

Кристин протянула руку и тронула Люка за плечо. Мужчина проснулся быстро: последнее время он засыпал с мыслью о неожиданном пробуждении, которое может понадобиться в любой момент. Молодой рыбак зажег свечу и с тревогой посмотрел на жену. Кристин вымученно улыбнулась:

– Пора.

– Сегодня?! – парень не отличался религиозностью, но роды в рождественскую ночь отчего-то показались ему неуместными.

– Это не нам решать, – рассмеялась жена.

Люк молча поцеловал ее, накинул худой плащ и выскочил за дверь.

До рассвета оставалось не меньше получаса. Ночь выдалась тихой; с моря полз туман. Молодой рыбак оценивающе поглядел на гладкую поверхность воды и припустил по песку к дому старой знахарки. Двадцать лет назад она помогла родиться ему, совсем недавно – двум его сыновьям, а сегодня примет дочь. В том, что будет девочка, Люк не сомневался: слишком они с женой мечтали и молились об этом. Красивая как мать, веселая как отец. Сыновей они любили, но дочка была особенно желанной.

Это будут четвертые роды Кристин. В прошлом году им не повезло: еще один мальчик родился мертвым. Клементин пыталась вернуть его к жизни, но тщетно. Жена несколько месяцев не улыбалась, только весной вновь подпустила его к себе. Узнав о беременности, она будто расцвела и была уверена, что на этот раз все сложится хорошо и у них обязательно появится девочка.

Ноги вязли во влажном песке. Ночью, должно быть, было сыро. Люк пытался ускорить шаг: Клементин здорово набралась вчера на помолвке внучки – бог знает, сколько времени ей потребуется на сборы. А если они не успеют и Кристин окажется одна в самый важный момент? От этой мысли внутри все похолодело. Нужно было сбегать за соседкой, хотя бы за тетушкой Ализе.

Мысли толклись в голове, обгоняя одна другую. Рыбаку стало страшно. Он зажмурился и побежал быстрее, но через секунду упал. Холодный песок проник за пазуху, набился в рот. Поднимаясь на колени и отплевываясь, Люк невольно рассмеялся; благодаря падению он немного пришел в себя и успокоился. Мужчина уверенно зашагал вперед. Кристин права: это все не нам решать.

Дом Клементин даже вблизи казался необитаемым. Ни дымка над трубой, ни света в окошке. Конечно, старуха и внучка в это утро будут спать допоздна. Лишь бы знахарка не разозлилась! Люк вздохнул и принялся колотить в дверь. Через несколько минут заскрежетал засов, и на пороге появилась Одетт с лампой в руке. Девушка выглядела сонной. Она с удивлением посмотрела на рыбака, но быстро сообразила, зачем он явился.

Кивнув, внучка знахарки исчезла в доме. Люк слышал, как она идет через гостиную, стучится в спальню старухи... Ответа не было. Она постучала еще раз, затем дверь заскрипела и до рыбака донесся сдавленный крик. Через секунду Люк влетел в крошечную спальню Клементин. Старуха ничком лежала на узком топчане, уткнувшись лицом в подушку. Седые волосы были растрепаны, одежды

разметались, вещи как попало раскиданы по комнате. На щербатой штукатурке стены рядом с постелью краснели четыре полосы. Увидев окровавленные пальцы покойницы, молодой рыбак понял: Клементин боролась.

Люк перевел глаза на Одетт. Девушка выглядела не более испуганной или расстроенной, чем обычно. Наклонив голову, она рассматривала мертвую бабушку с отрешенным выражением на лице. Почувствовав взгляд Люка, она сказала:

- Ступай в деревню, ты нужен жене. Сообщи, что случилось. Я буду здесь.

С этими словами она вышла в гостиную. Люк с минуту разглядывал покойницу, затем последовал за Одетт. Она надела бабушкин фартук и чистила очаг как ни в чем не бывало. В эту секунду она так напоминала Клементин, что рыбак невольно застыл на пороге комнаты.

- Чего ждешь? Завтрак нескоро! - прикрикнула Одетт.

Парень выскочил на крыльцо и задал стрекача по песку. Он впервые услышал, чтобы ведьмина внучка поднимала голос - а ведь знал ее с рождения. Только теперь стало заметно, как Одетт похожа на бабушку: такая же властная и себе на уме. А в деревне все ее считали безобидной мышкой. Хороша тихоня!

Люк быстро выдохся: вчера он поздно лег, а сегодня встал затемно. Тишина стояла такая, что в ушах звенело. Он перешел на шаг, стараясь держаться ближе к воде, чтобы не сбиться с пути. Видел рыбак едва на туаз[2 - Туаз - старинная мера длины во Франции, равная примерно 1,949 м.] вперед. Сейчас он бы порадовался хорошему шквалу. Лучше уж промокнуть до костей, чем ползти в этом тумане и не ведать, что у тебя впереди и кто за спиной.

Андре проснулся из-за громкого стука в дверь. Он привык к внезапным побудкам и первым поднялся на этот шум. Нога выстрелила болью. В дверях спальни доктор едва не споткнулся о похрапывающего на полу слугу. Подвыпивший накануне Лу спал беспробудно и не реагировал на тычки хозяина. Андре

безнадежно застрял в дверях.

Мадам Ализе сдержала намерение дождаться старших детей. Она отправила их по спальням, а сама осталась дремать у очага. Сейчас заспанная женщина испугано смотрела на дверь, сотрясавшуюся от ударов.

– Ализе! – наконец донеслось с улицы, – Открой, нужен врач.

Доктору стало нехорошо. Едва ли кто-то из местных жалуется на несварение или бессонницу: тут пахнет тяжелой травмой или, не дай бог, родами. Крови он терпеть не мог и эту сторону медицинской деятельности старательно обходил стороной.

Мадам подняла засов и открыла дверь; на пороге стоял старший Тибо. Волосы всклокочены, куртка нараспашку – рыбак явно собирался второпях. Но рожать в его доме как будто некому.

– Нужна ваша помощь, доктор, – обратился он к Андре, – У Кристин начались роды. Люк побежал к ней, сам вас просить не решился...

– Это не совсем моя специальность. И потом, в деревне, я наслышан, есть прекрасная повитуха, – доктор старался говорить спокойно и уверенно.

– Клементин никому уж не поможет: ее убили ночью.

– О, боже! – вскрикнула мадам Ализе. Ее старшие дети уже проснулись и вышли в гостиную. Роже и Ивет стояли в дверях спален, потирая глаза.

– Как же так... Мы ночью ходили провожать Одетт, все было в порядке, – сонно пробормотал Лу.

– А Люк утром побежал за Клементин и нашел ее убитой, – Тибо опустил на стул и вздохнул, – Сейчас кликну пару парней покрепче, да пойду туда. Хорош праздник, ничего не скажешь.

– Какой ужас, господи! – повторила мадам, – Мсье Тибо, может быть, подогретого эля на дорожку? На улице-то свежо.

– Можно.

Мадам Ализе принялась хлопотать возле очага. Андре потер колено и осторожно поинтересовался у старосты:

– Роды тяжелые?

– Роды? А, вы о Кристин. Ничего не знаю. Но двух мальчишек она уже родила и не крякнула.

– Не волнуйтесь, мсье доктор, – вмешалась мадам Ализе, – Кристин здоровая и сильная. Последний малютка у нее родился мертвым; уж как горевала, бедная, и племянник весь извелся. Но в этот раз она очень хорошо ходит, не болеет и не жалуется. Думаю, хлопот не будет.

– Я вас отведу, мсье доктор. Сейчас плащ и сапоги ваши прихвачу и пойдем, – Лу скрылся в комнате.

– Как это произошло? Я об убийстве, – поинтересовался доктор.

– Ничего не знаю. Но сдается мне, дело нечисто: на Люке лица не было, когда начал ко мне в дверь колотить спозаранку. Я по первости его чуть с крыльца не спустил...

– Он из-за Кристин совсем извелся, не спит, – пояснила мадам, – Ведь ей рожать вот-вот, а тут праздники на носу. Да еще такое...

– А как ее убили? – спросила Кларис. Сейчас она совсем не была похожа на вчерашнюю бойкую красавицу. Лицо осунулось, под глазами темнели круги.

– Сам не понял. Люк сказал, что лицом в подушку лежит. Задушили, должно быть, или по голове огрели.

– Страсть, – протянул Лу, который как раз вышел из спальни с вещами доктора в руках.

Андре один за другим натянул сапоги, взял у слуги трость и нехотя поднялся. Была не была! В конце концов, именно с родов и началась его медицинская «карьера».

На крыльце послышался топот. Входная дверь распахнулась, на пороге стоял Люк. Его руки и одежда были в крови, а взгляд казался совершенно безумным. Мадам охнула, Кларис зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Молодой рыбак пошатывался от усталости и искал кого-то глазами. Разглядев наконец черный плащ доктора он просиял:

- Можете не беспокоиться, мсье. Кристин сама родила, покуда я бегал. Все с ними хорошо.

- Ах ты, господи!- всплеснула руками мадам, - Девочка?

- Да, тетя! Дочка наконец. Уф, устал, - Люк прислонился к дверному косяку и вздохнул, - У Кристин еще до рассвета боли начались, так я все бегаю, бегаю. И страху натерпелся: туман этот, старуха, внучка ведьмина...

- А что с Одетт? - встревоженно спросила Кларис.

- Черт ее знает, только напугала меня до икоты. Как рявкнула, еле ноги унес.

- Одетт рявкнула? - с недоверием переспросил Лу. Люк яростно закивал головой.

- Как собака! Сам обалдел, когда услышал. С малых лет же эту тихоню знаю, слова от нее не добьешься - а нынче будто подменили.

- Такое бывает: у девушки погиб близкий человек, она потрясена, - пояснил доктор, но молодой рыбак с недоверием покачал головой.

- Нечисто тут, как есть нечисто.

- Как угодно, - Андре не стал обижаться на уставшего папашу, - Мне, может, следует осмотреть ваших жену и ребенка?

- Да зачем, все ж хорошо. Они спят уж, поди.

– Прекрасно. В случае чего посылайте за мной, – доктор старался не показывать, какое облегчение он испытал. Известие о благополучном родоразрешении Кристин прямо-таки сняло камень с души. Уж со здоровыми младенцем и матерью он как-нибудь разберется.

– Раз роды принимать не надо, может, на место убийства сходим? – предложил Лу, – Мсье доктор ух какой голова! Он так ловко расследование смерти моего старого хозяина обстряпал, что даже магистрат не подкопался.

Андре поморщился. Словоохотливость слуги иной раз выводила его из себя. Однажды этот парень накличет на них беду. До Бельфонтэна отсюда много лье, но слухи расходятся быстро. Никому не нужно, чтобы упомянутый магистрат узнал, как все было на самом деле. Но что правда, то правда: дело он обстряпал весьма ловко.

Вмешиваться же в это деревенское расследование доктору совсем не хотелось. Деньгами здесь и не пахло, да и едва ли в этом убийстве найдется что-нибудь интересное для ума. Кто-то взял и задушил старуху. Клементин не отличалась добрым нравом, и многие наверняка хотели бы свернуть ей шею. Даже милейшая матушка Лу на вчерашней помолвке метнула на знахарку презлой взгляд. Думала, что никто не видит...

– А что, доктор? – поглядел на него Тибо, – Может, и в самом деле пойдете с нами? Я Дидье в город нынче же отправлю с известиями для властей, но записочка красивая как-то понадежней будет. Сам-то я только имя свое могу нацарапать.

– Вы хотите, чтобы я описал место событий? Я бы с удовольствием, но, к сожалению, мои писчие принадлежности вышли из строя после дороги... – развел руками доктор.

Он не покривил душой: нести чернила и запас чистой бумаги было поручено Лу. Добрые две недели неуклюжий парень демонстрировал чудеса ловкости, но однажды утратил бдительность. Слуга понурился, вспомнив о том случае. Хозяин тогда не только лишился писчих принадлежностей, но и вынужден был потратиться на новое облачение для великана.

Тибо кивнул:

– Это я понял, обеспечим всем, что нужно. Монахи, как приезжают по делам, в моем доме останавливаются. Уж чего-чего, а бумаги да перьев хватает. Думается мне, недостачи никто не заметит.

– Прекрасно. В таком случае я к вашим услугам. Хотя, боюсь, толку от хромого писаря немного.

– Да я ж вас отнесу, – воскликнул Лу, – мигом туда и назад! Вы не стесняйтесь почем зря, уж теперь-то не стыдно совсем!

Андре только покачал головой. Конечно, он постарается большую часть пути проделать самостоятельно, но сегодня нога болела сильнее вчерашнего, а единственная целительница в округе была мертва...

Мадам настояла на завтраке. Вместе с Кларис она быстро собрала на столе легкую трапезу. Через полчаса подкрепившиеся мужчины покинули дом Дюмонов и начали спускаться к морю. Андре опирался на трость, стараясь не отстать; Лу недовольно косился на хозяина и про себя сетовал на его гордыню.

Улица была пустынной. Стояло раннее утро и большинство жителей, должно быть, еще спали. У крайнего дома Люк заколебался и несмело обратился к старосте:

– Я, наверно, лучше с Кристин останусь.

– Зайди домой ненадолго, а потом – к Ларошам, – буркнул Тибо, – Ты ж свидетель теперь, понимаешь?

Парень тяжело вздохнул, поклонился и пошел к дому.

Андре не смог одолеть и половины пути самостоятельно. Едва все вышли на песок, нога дала о себе знать и пришлось согласиться на предложение Лу. Слуга легко подхватил доктора на руки и зашагал вперед. Его хозяин изо всех сил старался не показать смущение, овладевшее им; насмешек он боялся больше всего.

Уже издали доктор заметил, что вокруг дома собралась толпа. Так вот где околачиваются жители деревни. Неизвестно было, кто поднял переполох, но каким-то образом все уже знали о случившемся.

- И кто им, интересно, раззвонил, - недовольно пробормотал Тибо, - Хотел потихому все осмотреть, а теперь балаган получится.

- Внутри им входить не следует, - заметил доктор, - Место убийства нужно сохранять в неприкосновенности.

- Само собой. Не переживайте, никто в дом не войдет. Пусть только сунутся!

- Расследованием будет заниматься церковная комиссия?

- Комиссия? По таким делам брата Бартоломью должны бы прислать. У нас-то года с три ничего подобного не случалось.

- С четыре, - мрачно отозвался Лу. Староста покосился на него и кивнул.

- Точно говоришь, парень. Как отец твой сгинул - так и все, неприятностей в деревне не было.

Андре попросил слугу опустить его на землю.

- Дальше я сам, иначе ваши земляки уже не воспримут меня всерьез. Благодарю.

Лу насупился. Обида и любопытство придали парню скорости. Поставив хозяина на ноги, он ускорил шаг и быстро оставил спутников позади. Доктор крепче сжал трость и, чтобы отвлечься от боли, поинтересовался у старосты:

- Четыре года назад - это был несчастный случай?

- Тристана с палубы смыло волной, - мрачно отозвался Тибо, - Я пьян был в стельку, ничего и сообразить не успел. Мог ведь помочь... С тех пор ничего крепче сидра не пью.

- Лу, кажется, на вас в обиде?

- Он мальчишкой тогда был совсем. В то утро провожал отца, а на другой день на причал раньше всех прибежал. Очень Тристана любил... В обиде? Пожалуй, что в обиде, - кивнул Тибо.

Они приблизились к дому. Доктор заметил, что в толпе только молодые лица. Те, кто остался вчера праздновать помолвку Дидье и Одетт допоздна, были здесь почти в полном составе. Местные парни оказались любопытнее девушек - ни одной юбки Андре не увидел, зато изукрашенных в драке мальчишеских лиц было в избытке.

- И какого лешего собрались тут? - напустился Тибо на молодежь, - Заняться больше нечем? Святой праздник, а вы...

- Вы не сердитесь, папаша Тибо, - оправдывался молодой рослый парень с рыжей шевелюрой, - Дидье нам все рассказал, вот мы и решили сюда податься. Следим, чтобы ведьма не убежала.

- Какая еще ведьма? Куда мертвая сбежит, дурья твоя башка?

- Да он про Одетт, - вмешался подошедший Дидье, - Говорят, она переметнулась после того, как бабку прикончила.

- Еще неизвестно, кто кого прикончил, - сурово поглядел на парня отец, - Ты здесь этих балбесов собрал? Я, значит, за доктором, а ты - по деревне трезвонить? Устроил тут представление!

- Какое там представление, мы ж помочь хотим. Ведьму в подвал бы надо или хоть в колодки... - пробормотал Дидье.

- Не суди раньше времени. Рад небось от невесты избавиться, только разбираться с этим следователь будет, а не твоя ватага развеселая.

– Да чего тут разбираться?! – воскликнул рыжий парень, – Мы вчера Одетт провожали до дома. Тут спокойно было, никого по пути не встретили. Одна она в дом вошла, а наутро старуха мертвая... Кто еще убить мог? Ночью-то все в деревне были!

– Так уж все? – спросил доктор.

– Ну а как же! Одни по домам разошлись, другие праздновать остались...

– Разберемся, – буркнул староста.

Он поднялся на крыльцо, рывком отворил дверь и зашел внутрь. Доктор и Лу последовали за ним. Они оказались внутри маленькой, еще меньше, чем у Дюмонов, гостиной. Обстановка была очень бедной, но аккуратной. Одетт сидела возле очага. Она молча поднялась навстречу гостям.

– Люк все рассказал... – начал Тибо.

– Я уж поняла, – усмехнулась девушка. Краем глаза доктор заметил, как поежился от этой усмешки Лу.

– Нам нужно осмотреть место преступления. Доктор, хозяин Лу, согласился помочь с записями. Сама понимаешь, следователя мы тут до конца рождественской недели не дождемся.

– Понимаю.

– Вот и хорошо... Которая ее спальня?

Девушка кивнула по направлению к двери слева. Андре и Тибо вошли в маленькую комнату с оштукатуренными стенами. Здесь было темно. Лу открыл ставни, и комната наполнилась светом. Доктор наклонился над телом. Старуха лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Он обратил внимание на свежие царапины на стене, приподнял правую руку Клементин: ногти сломаны, на кончиках пальцев засохшая кровь. Левая рука свесилась с кровати и болталась в воздухе; она также была окровавлена.

Женщина не переоделась после помолвки, лишь разулась и сбросила пеструю шаль, которая сейчас лежала на сундуке рядом с постелью. Башмаки знахарки стояли под кроватью. Платье сильно измялось, юбки были в беспорядке, но ничто не указывало на похотливые помыслы злоумышленника.

Осторожно перевернув тело, Андре взглянул на лицо. Оно было искажено жуткой гримасой, кожа посинела. Неугомонный дух Клементин как будто никуда не делся и после того, как жизнь покинула ее тело. Вздохнув, доктор закрыл глаза покойницы и сделал первое заключение:

- Похоже, убийца вдавил лицо несчастной в подушку, когда она спала. Женщина проснулась и пыталась сопротивляться, но кто-то держал ее, пока она не задохнулась.

- Господи, - пробормотал Тибо, - Как можно решиться на подобное злодейство?

- Кто-то явно был не в ладах со знахаркой. У нее в деревне имелись враги?

- Друзей точно не было. Хоть мы и неплохо ладили, Клементин всегда была сама по себе.

- Но кто-нибудь мог желать ее гибели?

- Вряд ли.

- Убийца был достаточно силен, - подумав, добавил Андре, - видите, мадам Ларош разодрала себе пальцы, царапая стены и пол. Она была крепкой, несмотря на возраст - не всякий бы справился с такой жертвой.

Староста невольно покосился в сторону гостиной. Одетт явно не казалась ему подходящей кандидатурой на роль убийцы.

- Когда это произошло?

- Несколько часов тому назад. Тело успело окоченеть, - доктор задумался, - Глупый вопрос, наверное, но не была ли старуха богатой?

- Нет, все ее состояние – этот домик. Платили ей чаще всего едой да дровами.

- А домик достанется Одетт? – спросил доктор.

- Думается мне, что да. У старухи больше никого нет. Жак, единственный сын, погиб лет пятнадцать назад.

- Значит, у внучки был какой-никакой мотив?

- Ради наследства могла решиться, конечно, – неуверенно ответил Тибо, – Только на кой? За моим Дидье она бы больше получила, а в одном доме корысти мало... Тем более, на костер эту лачугу с собой не прихватишь.

- На костер? Здесь принят этот жуткий способ казни? – изумился доктор, – Ведь речь не о колдовстве или государственной измене, в конце концов!

- Убийц тут сжигают, – мрачно подтвердил Тибо.

Доктор огляделся. Обстановка бедная: узкая деревянная кровать с соломенным тюфяком, сундук да стул – все видавшее виды и грубо сколоченное.

Неудивительно, что старая Клементин так кичилась своим праздничным нарядом. При такой нищете одежда была единственным поводом для гордости. Нет, если кто-то и замыслил недоброе, то против нее лично, но никак не ради наживы.

Убогость обстановки вызвала одну мысль: разумная девушка мечтала бы вырваться отсюда любой ценой. Или же нет? Доктор рискнул предположить:

- Может быть, предстоящая свадьба слишком тяготила Одетт? Настолько, чтобы таким чудовищным путем избавиться от данного слова.

- Ну уж... – недоверчиво протянул Тибо, – Девочка всегда была себе на уме, но чтобы вот так... Уж разорвать помолвку она всегда могла. Надо бы с ней поговорить.

- Поговорим обязательно.

Они вернулись в гостиную. Здесь лучше было слышно шум снаружи: компания Дидье начинала волноваться. Доктору даже показалось, что в стену дома ударил камень. На всякий случай он попросил Лу выйти на крыльцо и охранять вход. Тибо явно чувствовал себя не в своей тарелке, вынужденный допрашивать свою без пяти минут невестку. Доктор решил взять инициативу на себя. Когда слуга вышел, он присел к столу и обратился к Одетт:

- Нам нужно поговорить о прошлой ночи. Мне известно, что вы вернулись с помолвки поздно и в сопровождении друзей...

- Эти болваны мне не друзья! - перебила его девушка, мотнув головой, - Я просила Лу и Кларис проводить меня, а Дидье со своей компанией просто увязались следом.

- Как скажете, мадемуазель. Тем не менее, когда вы вернулись, ваша бабушка была жива?

- Не знаю, я сразу пошла к себе.

- То есть не видели ее?

- Нет, конечно. Я думала, что Клементин спит.

- Вы называли бабушку по имени? - удивился Андре.

- Как и все остальные в деревне, - пожала плечами Одетт.

- Ночью слышали что-нибудь?

- Ничего, - девушка поджала губы и с вызовом посмотрела на доктора, - Вы ведь подозреваете меня. К чему ходить вокруг да около?

- Не горячись, девочка, - вмешался Тибо, - Пока ничего не ясно.

- Все вам ясно! Ночью здесь была только я...

- А ты готова признать, что убила ее?

- Если это спасет меня от пыток - охотно.

- Одетт, вы же знаете, что ничего подобного мы делать не будем! - запротестовал доктор.

- Вы не будете, а брат Бартоломью не замешкается, - заявила девушка, - Лучше уж пойду на костер здоровой, чем с переломанными костями.

- Брат Бартоломью не такой злыдень, как ты его представляешь, - возразил Тибо, - Он вполне разумен и снисходителен.

- Это к вам, самому богатому человеку в деревне. А ко мне, ведьминой внучке, подход будет особый. Дядюшка Тибо, давайте не будем спорить об этом. Я со вчерашнего дня устала, а передохнуть удастся нескоро.

Андре стало жаль девушку. На вид ей было не больше двенадцати, хотя он точно знал, что Одетт старше Кларис и уже вошла в брачный возраст. Хрупкая, худенькая и бледная, она совсем не была похожа на убийцу. Тем более он не мог представить, чтобы эта девочка замышляла недоброе против родной бабки...

Шум снаружи усилился, дверь пару раз содрогнулась, и на пороге появился Люк. Он успел привести себя в порядок и даже переодеться, но вид имел по-прежнему ошарашенный.

- Ну и народу здесь! Думал, не пробьюсь. И все злые, как черти, - жаловался он, закрывая дверь за собой.

- Вы вовремя пришли. Нужно поскорее закончить с осмотром, пока толпа не разнесла дом... Кстати, что вы сделаете с телом после? - обратился доктор к Тибо.

- Сохраним до приезда властей. Хоронить ее без распоряжения из города не решусь, да и все одно священник нужен.

– Я составлю краткий протокол сегодня и отправим гонца в Кавайон. Надеюсь, в ближайшие дни они пришлют ответ.

– Вряд ли, – рассудил староста, – В городе трезвых до конца недели не найдете.

– В таком случае нужно будет перенести тело в прохладное место. В здешнем климате это может быть, наверное, только подвал.

– В моем доме такой найдется, – вздохнул староста, – Благо, здоровых лбов у нас тут полон двор – отнесут мигом.

Одетт, хмуро внимавшая беседе, отвернулась к очагу. Доктор заметил это и поспешил сменить тему:

– Люк, прошу вас, осмотрите еще раз спальню. Там что-нибудь изменилось с тех пор, как вы обнаружили тело?

Парень неуверенно подошел к двери и заглянул туда. Затем он вздохнул и обернулся к доктору:

– Как будто все по-прежнему. Света только побольше, тогда темно было.

– Прекрасно. Я сейчас все это опишу, вам нужно будет заверить показания на бумаге. Вы владеете грамотой?

– Никто тут ею не владеет, – вмешался Тибо, – Я еще кое-как подписаться могу, и все.

– Пусть просто поставит крест, – сказал Андре.

Он уселся к столу, отодвинул посуду и вытащил письменный прибор, которые час назад взял в доме деревенского старосты. Доктор обмакнул перо в чернила и начал выводить ровные строчки протокола. Вот уж не думал, что снова придется этим заниматься. Вспомнилась заварушка под Бельфонтэном, которая свела его с Лу. Все-таки это дело сильно повлияло на Андре. Если совсем недавно он руководствовался исключительно жаждой наживы и не гнушался откровенным шарлатанством, то теперь десять раз думал, прежде чем предлагать кому-либо

услуги врача. Бог знает, что могло случиться с женой и ребенком этого парнишки, если бы Андре попытался им помочь. Навредить здоровому, конечно, не так просто, но сколько таких случаев!

Что же станется с жителями деревни теперь, когда они лишились единственной знахарки? Одетт наверняка чему-то обучена. Тем более будет печально, если ее казнят за это убийство. Андре не слишком верил в виновность девочки: чересчур хрупкая она на вид, да и мотив неважный. Конечно, бабка хотела выдать ее замуж против воли, но если бы все девушки убивали за такое, мир бы давно осиротел.

Закончив с протоколом, доктор попросил поставить под ним подпись сначала старосту, а затем Люка. Парень заметно волновался и едва не поставил свой крест поверх коряво выведенной фамилии Тибо. Андре вовремя перехватил его руку и отвел ее на нужное место. Затем он сказал:

– Тело можно унести. Записку я отдам, когда высохнут чернила.

Тибо кивнул и вышел за дверь. Отрывистым грубым голосом он принялся раздавать команды: соорудить носилки, выделить самых крепких ребят... Одетт молча встала и направилась в бабушкину комнату. Когда староста в сопровождении пары дюжих парней вошел туда, Андре с трудом поднялся со стула и захромал следом.

Старая Клементин покоилась на кровати в куда более подобающей позе, чем та, в которой ее нашли. Покойница лежала на спине, обутая. Тело накрыли пестрой шалью – в доме не нашлось куска ткани, более подходящего на роль савана. Сама Одетт стояла в углу и ждала, пока все закончится. На ее лице по-прежнему не было скорби, страха и каких-либо вообще эмоций. Плечи расправлены, губы сомкнуты, руки в карманах фартука... Что бы ни переживала девушка, она держала это глубоко внутри.

Косясь на ведьмину внучку, парни положили тело на наспех сооруженные носилки и скрылись вместе с ними за дверью. Андре спросил:

– У вас есть другие родственники поблизости? Оставаться одной в доме опасно, даже пока не предъявлены обвинения.

– Никого у меня нет. И никуда я не денусь. Хотите – закройте тут, – огрызнулась она.

Девушка действительно изменилась. В сравнении со вчерашней тихоней нынешняя Одетт казалась совсем другим человеком. Безусловно, это только даст почву новым слухам. Оставив ее в спальне, Андре захромал в гостиную. Люк опять успел улизнуть к жене, Тибо продолжал распоряжаться снаружи. Лу грелся возле очага, а в приоткрытую дверь заглядывали дружки Дидье. Доктор подошел к слуге и вполголоса спросил:

– Вы считаете, они не навредят Одетт?

– Эти? Могут, – кивнул парень.

– Она могла бы пожить у вашей матушки? Или еще у кого-нибудь в деревне?

– У нас негде, сами видели. То бишь если мы с вами где-то в другом месте будем – то может быть, но какая ж тогда безопасность...

– Да... По-хорошему девушке сейчас нужна охрана, но как это устроить?

– Может, арестуем ее? – предложил слуга.

– Здесь у меня полномочий никаких.

– А то они у вас раньше были! Поговорите с Тибо, он не дурак – поймет. Одну ее тут нельзя оставлять ни в каком виде.

Доктор про себя порадовался сообразительности юного великана. В фиктивном аресте Одетт есть резон. Это успокоит местных и позволит обеспечить ее надежной и непредвзятой охраной в лице самого Лу. Если староста по-доброму относится к девочке, этим нужно воспользоваться.

Андре вышел на крыльцо, прикрывая за собой дверь, и увидел Тибо. Тот глядел вслед удаляющейся группе парней, которые тащили носилки с телом Клементин. Дидье стоял рядом с отцом, еще двое молодых обалдуев ошивались возле крыльца. Не было похоже, что они собираются уходить. Андре недовольно

покосился на парней и заковылял к старосте, проклиная про себя хромоту, трость и зыбкий песок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лье – старинная мера длины во Франции, равная примерно 3,248 км.

2

Туаз – старинная мера длины во Франции, равная примерно 1,949 м.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kosta_emil/ved-ma-staraya-ved-ma-molodaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)